

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢТОКЪ НА СТАТЬЮ

«О наступательномъ и оборонительномъ боѣ пѣхоты» (1).

Статья, по поводу которой мы представимъ на судъ читателей наши замѣнанія, имѣеть болѣе значенія, нежели обыкновенное научное излѣдованіе; она, вмѣстѣ съ тѣмъ, служить «инструкціей для тактической подготовки частей въ одной изъ пѣхотныхъ дивизій во время баталіонныхъ и полковыхъ сборовъ». Это-то обстоятельство и заставляеть насъ сказать о ней нѣсколько словъ.

Разматриваемая статья отличается стройностью, плавностью и поидовательностью изложенія, какъ любой изъ отдѣловъ тактики; въ младшій, сходство это идетъ еще и дальше. Статья слишкомъ теоретична и, такъ сказать, не окурена пороховымъ дымомъ.

Въ первомъ отношеніи, т. е. въ подтвержденіе излишняго ея теоретизма, можно бы привести много примѣровъ, но мы пока ограничимся лишь однимъ, по нашему мнѣнію, достаточно вѣскимъ, а именно: *ни-бы въ статьѣ не опредѣлены и не разграничены въ точности базанности начальниковъ въ бою*. На практикѣ это вопросъ чрезвычайной важности, тѣмъ болѣе, что и уставъ нашъ тоже не богатъ подобнаго рода указаніями. Благодаря этому обстоятельству, младшіе офицеры увлекаемые храбростью, обыкновенно, въ дѣйствительномъ бою управляютъ своими частями лишь путемъ *личнаго примѣра*. Старые и баталіонные командиры тоже, потолкавшись отъ одной части къ другой, въ концѣ концовъ пристраиваются къ какому нибудь часту пѣши, во главѣ котораго и дѣйствуютъ, воодушевляя людей, собирающихся около нихъ.

Сколь ни почтененъ, въ смыслѣ доблести, подобный образъ дѣятельности (притомъ вполне законный въ послѣднюю рѣшительную минуту), очевидно, что, вообще говоря, онъ не имѣеть ничего общаго съ *искусствомъ* управленія боемъ.

Другая крупная особенность статьи проявляется въ несоразмѣрности частей, трактующихъ о «боѣ наступательномъ и о боѣ оборонительномъ», объемъ каждой изъ этихъ главъ почти одинаковъ, а между тѣмъ, *наступательный бой пѣхоты* есть въ настоящее время *фун-*

(1) «Военный Сборникъ» 1878 г., № 12.

даментальный вопрос тактики. Съ другой стороны, оборона приобрѣла въ усовершенствованномъ оружіи такое могущественное средство, что веденіе ея далеко не можетъ, вообще говоря, представить такихъ трудностей, какъ атака. Правда, ученіе объ оборонѣ, со всею ея рутинною механикою, гораздо легче укладывается въ теоретическія рамки (сколько благодарныхъ темъ: и перечисленіе условій, которымъ должна удовлетворять позиція, и совѣты относительно ея фортификаціоннаго усиленія и проч. и проч.), нежели изслѣдованіе о наступленіи, гдѣ главенствуетъ комбинаціонная сторона дѣла; тѣмъ не менѣе, измѣняя лишь методъ изложенія, переходя отъ абстрактныхъ догматовъ къ частнымъ приѣмамъ, можно и должно тщательно развить этотъ существенный вопросъ современнаго боя. Кажется, безошибочно можно сказать, что если тактикѣ удастся удовлетворительно разрѣшить этотъ вопросъ, то рѣшеніе всѣхъ прочихъ уже не представитъ большихъ затрудненій. Разумѣется, мы предполагаемъ при этомъ рѣшеніе труднѣйшаго, теоретически и практически, случая, — а именно: *способъ веденія атаки по совершенно открытой мѣстности, противъ укрѣпленной непріятельской позиціи, и, притомъ, когда силы обѣихъ сторонъ, приблизительно, равны.* Если сказанное справедливо, то должно согласиться, что въ рассматриваемой статьѣ сравнительно недостаточно обращено вниманія на разработку наступательнаго боя пѣхоты.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній, мы перейдемъ къ разбору нѣкоторыхъ частныхъ.

Въ главѣ «*О наступательномъ боѣ*» говорится:

«Прежде всего, отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать двухъ совершенно отдѣльныхъ понятій: наступленіе и атака». Читатель, такимъ образомъ ожидаетъ именно разъясненія того, что должно въ точности разумѣти подъ этими выраженіями; между тѣмъ, авторъ статьи ограничивается лишь общими выраженіями, что, напримѣръ, при наступленіи атакующія войска «сближаются съ противникомъ и огонь подготовляютъ себѣ успѣхъ», а при атакѣ: «производятъ рѣшительный ударъ». Лишь изъ послѣдующаго можно заключить, что подъ атакой подразумѣвается собственно *ударъ въ тыки*, съ послѣдней позиціи наступающаго. Намъ кажется, что такое понятіе объ атакѣ ошибочно и основывается на внѣшнемъ признакѣ, а не вытекаетъ изъ сущности дѣла.

Въ виду путаницы, существующей у насъ въ тактической терминологіи, мы позволимъ себѣ остановиться на разъясненіи вышеприведенныхъ двухъ понятій.

Представимъ себя наступающаго, который, при своемъ движеніи

ни, открывъ непріятеля, занимающаго известную позицію, и рѣшается овладѣть ею посредствомъ атаки. Въ чемъ выразится послѣдствительный ходъ его дѣйствій? Прежде всего, онъ предприметъ рядъ боевыхъ рекогносцировокъ, выдвинетъ на позицію батареи, которыя своимъ огнемъ вызовутъ огонь противника, заставятъ его обнаружить свое расположеніе и т. п. Пѣхота сосредоточивается и часть ея выдвигается въ боевыя линіи. Въ это же время наступающій высматриваетъ, выискиваетъ тотъ пунктъ, противъ котораго намѣренъ направить рѣшительный ударъ. Какъ только этотъ пунктъ опредѣленъ, дѣлаются соответствующія распоряженія, а именно: 1) батареи выѣзжаютъ на тѣ позиціи, съ которыхъ должны окончательно подготовить атаку, т. е. сажень на 600 отъ противника; 2) выдвигаются части, назначенныя для обхода (если это окажется необходимымъ); 3) всѣ прочія силы передвигаются на указанныя имъ новыя мѣста, причемъ пѣхотныя цѣли значительно выдвигаются передъ артилерією (до 1,000 шаговъ).

Въ этотъ періодъ боя преобладающая, самая важная роль принадлежитъ артилеріи: она и только она почти одна подготавливаетъ атаку. Тщетно пѣхота думала бы состязаться въ этомъ дѣлѣ съ нею, да и съ противникомъ: послѣдній укрытъ за своими траншеями и брустверами (которые теперь такъ легко возводятся при поголовномъ почти снабженіи пѣхоты всѣхъ европейскихъ армій шанцевымъ инструментомъ), а наступающій рѣдко когда можетъ найти соответственныя, столь же удобныя закрытія; кромѣ того, наступающему не слѣдуетъ злоупотреблять пальбой и по другой причинѣ; она до нѣкоторой степени дѣйствуетъ расслабляющимъ образомъ на нравственный его духъ, вселяетъ охоту подольше сидѣть за закрытіемъ и уменьшаетъ наступательный порывъ войскъ. Итакъ, слѣдовательно, въ этомъ періодѣ боя пѣхота, выжидая дѣйствія артилеріи, остается на своихъ мѣстахъ и только въ особенно благоприятныхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, при появленіи болѣе или менѣе значительныхъ непріятельскихъ силъ, при выѣздѣ на позицію непріятельской батареи или при малѣйшей попыткѣ непріятеля къ переходу въ наступленіе и т. п. — открываетъ огонь; непрерывная же пальба по сидящему за своими закрытіями обороняющемуся, съ цѣлью систематической подготовки атаки, будетъ, вообще говоря, не только бесполезной, но часто и вредной.

Въ этомъ періодѣ боя для пѣхоты работаетъ артилерія. Она сосредоточиваетъ наибольшую энергію, наибольшія свои силы противъ пункта, избраннаго для атаки. Задача ея не разрушать верги и насыпи (работа непроезжительная, трудъ почти бесполезный, какъ по невы-

полннмостн его въ короткое время, такъ и потому, что полевныя укрѣпленія вообще легко могутъ быть вскаладированы) — она должна задаться другою цѣлью: *засыпать снарядами* пунктъ, противъ котораго направлена атака, *потрясти нравственно* противника, ошеломить его и нанести ему возможно болѣшй *матеріальный* вредъ.

Атака подготовлена. Наступающій нѣсколько часовъ держалъ обороняющагося подъ своимъ убійственнымъ огнемъ, пунктъ атаки изрытъ и засыпанъ снарядами во всѣхъ направленіяхъ, пальба со стороны обороняющагося замѣтно ослаблена, силы атакующаго, параллельно этому, постепенно растутъ, нравственное настроеніе подымается, вселяется увѣренность въ окончательный успѣхъ дѣла, однимъ словомъ, минута атаки наарѣла. Что долженъ дѣлать наступающій? *Идеальное* рѣшеніе вопроса, по нашему мнѣнію, заключается въ слѣдующемъ: пѣхота поднимается сразу, какъ одинъ человекъ, и наноситъ стремительный ударъ; а чтобы не терять напрасно отъ выстрѣловъ, то вся она двигается бѣгомъ и, подобно лавѣ, поглощаетъ своего противника. Къ сожалѣнію, на практикѣ очень часто (хотя и не всегда) такой способъ атаки не осуществляется; наступающій при своемъ движеніи *пріостанавливается* по слѣдующимъ причинамъ: а) чтобы передохнуть физически и *морально*; б) чтобы возстановить порядокъ, разстроенный во время движенія. Всѣ его остановки, въ томъ числѣ и *последняя*, *непосредственно передъ ударомъ въ штыки*, имѣютъ совершенно одинаковое значеніе и смыслъ. *Ружейная же подготовка атаки съ последней позиціи такъ же сомнительна, такъ же бесполезна, какъ и со всѣхъ прочихъ.* Замѣтимъ, что артилерія наступающаго при такомъ приближеніи противниковъ лишена возможности дѣйствовать, безъ риску поражать свои же войска; а обороняющійся, если ему удастся сохранить часть орудій, можетъ дѣйствовать ими *въ упоръ* по атакующему; въ смыслѣ же прикрытія отъ выстрѣловъ, обѣ стороны сохраняютъ прежнія отношенія, т. е. въ пользу обороняющагося; наконецъ, въ большинствѣ случаевъ, атакующему придется стрѣлять нѣсколько снизу вверхъ, т. е. и тутъ *въ основѣ* бою обороняющійся сохраняетъ *преимущество надъ атакующимъ.* Чѣмъ же разнится последняя, такъ сказать, общая перебѣжна отъ прочихъ? Не тѣмъ ли, что атакующій бросается, наконецъ, со штыкомъ въ рукахъ? Но при идеальной атакѣ (которая лишь и важна теперь для насъ) онъ несетъ этотъ штыкъ *въ своихъ рукахъ и въ своемъ сердцѣ уже съ последней подготовительной артилерійской позиціи.* Изъ всего вышеназложеннаго разсужденія вытекаетъ, что приуроченіе слова «атака» къ окончательному штыковому удару неправильно, формально, и что подъ этимъ выраженіемъ слѣ-

дуетъ понимать весь тотъ періодъ боя, когда атака уже окончательно подготовлена и наступающій изъ строго выжидательнаго положенія переходитъ къ рѣшительному, когда всѣ его помыслы устремлены на то, чтобы поскорѣе наскочить на обороняющагося.

Въ зависимости отъ только что сказаннаго, нельзя также согласиться съ авторомъ статьи, что промежутокъ пространства, отдѣляющій наступающаго отъ обороняющагося, съ цѣлью *опредѣлить формы перехода изъ одного строя въ другой*, раздѣляется на три полосы сообразно лишь: *дѣйствительности непріятельскаго артиллерійскаго и ружейнаго огня*. Полагаемъ, что тутъ вліяетъ не одинъ, а два фактора: а) тотъ, который указанъ авторомъ статьи и б) *характеръ послѣдствительныхъ дѣйствій наступающаго*, какъ упомянуто выше.

На стр. 171-й сказано: «Приблизясь къ непріятельской позиціи на разстояніе около 3,500 или 4,000 шаговъ, войска наступающаго обыкновенно уже знаютъ отъ своихъ передовыхъ войскъ о предстоящей имъ встрѣчѣ съ противникомъ.» «Обыкновенно» это будетъ гораздо раньше. Ни одинъ сколько нибудь внимательный противникъ не позволитъ наступающему подойти въ походныхъ колоннахъ на такое разстояніе—равнѣ нарочно заманить, чтобы пронизать всю колонну своими снарядами. Даже въ самомъ незначительномъ отрядѣ передовые его развѣзды будутъ находиться отъ головы колонны никакъ не ближе 2,000 шаговъ, слѣдовательно, по предположенію автора, выходить, что они подойдутъ шаговъ на 1,500 — 2,000 къ его позиціи; но такъ какъ обороняющійся тоже охраняется, какъ цѣпью такъ и развѣздами, то очевидно, что на 1,500 шаговъ подойти къ непріятельской позиціи развѣздамъ наступающаго не удастся и встрѣча ихъ съ противникомъ произойдетъ гораздо раньше.

Далѣе, въ статьѣ говорится о дѣйствіяхъ наступающаго на этомъ разстояніи, т. е. о выѣздѣ батарей, развертываніи пѣхоты въ боевой порядокъ и пр. и авторъ замѣчаетъ: «цѣпь при этомъ не высылается». Это справедливо, если разумѣть исключительно *стрѣлковую цѣпь*; *каптурную* же слѣдуетъ высылать какъ для осмотра мѣстности, такъ и для предупрежденія разныхъ случайностей.

Непонятно, почему авторъ статьи, заботящійся о предупрежденіи переувѣщиванія людей въ цѣпи, предлагаетъ съ дистанціи въ 2,000 шаговъ высылать отъ баталіона достаточно сильную цѣпь: «приблизно отъ баталіона одна рота». Такой способъ въ бою рѣдко практикуется; обыкновенно, *каждая рота* передовой линіи высылаетъ цѣпь отъ себя.

Уже при движеніи съ дистанціи 2,000 шаговъ статья рекомендуетъ, чтобы цѣпь стрѣляла урывками: «каждый разъ для стрѣльбы выбѣгая

впередъ къ какомунибудь закрытію и залегая за нимъ на время производства выстрѣловъ». Едва-ли подобная пальба принесетъ какуюнибудь пользу, а «залеганія», на этомъ разстояніи, мало способствуютъ развитію энергіи и стремительности дальнѣйшаго наступленія.

Изъ сказаннаго нами видно, что всѣ послѣдующія расужденія статьи касательно ружейной подготовки атаки должны быть признаны сомнительными. Въ видахъ разъясненія вопроса относительно дѣйствій наступающаго послѣ занятія непріятельской позиціи, авторъ статьи приводитъ нѣсколько частныхъ примѣровъ.

Размышленія автора при этомъ отличаются крайнимъ методизмомъ и теоретичностью. Такъ, въ 1-мъ примѣрѣ предполагается, что непріятель занимаетъ позицію на высотѣ, въ разстояніи шаговъ 500 отъ гребня ея, параллельно фронту позиціи пролегаетъ дорога, окананная канавами. Обороняющійся занялъ послѣднія своими стрѣлками. По мнѣнію автора статьи, атакующій, овладѣвъ штыками этой канавой, долженъ приостановить наступающія войска, съ цѣлью приведенія ихъ въ порядокъ.... рѣшиться же на атаку главной позиціи не слѣдовало бы прежде, какъ употребивъ нѣкоторое время на подготовку огнемъ этой атаки изъ вновь занятой стрѣлковой позиціи». Но какова же эта подготовка, когда непріятель виситъ надъ вами на занятой имъ высотѣ? Мотивируетъ авторъ свой совѣтъ тѣмъ, что атакующій будетъ разстроенъ, встрѣтитъ на высотѣ свѣжія войска противника и пр. и пр.

Но есть и другая точка зрѣнія на дѣло, съ которой мы и взглянемъ на него. Подступъ къ непріятельской позиціи чрезвычайно труденъ, приходится двигаться снизу вверхъ, противникъ видитъ наступающаго какъ у себя на ладони и вдругъ—атакующій овладѣваетъ позиціей! На плечахъ бѣгущаго онъ несется впередъ, огонь обороняющагося закрытъ, обороняющійся въ смятеніи, а атакующій воодушевленъ своимъ успѣхомъ; резервы стройно, бодро и смѣшно двигаются въ свои передовыя войска, готовые сокрушить всякую попытку обороняющагося къ сопротивленію и отразить всякую случайность; обороняющійся окончательно сбитъ этимъ сокрушительнымъ потокомъ!

Развѣ такая точка зрѣнія незаконна? Развѣ въ дѣйствительномъ бою это неосуществимо? На какомъ же основаніи рекомендовать методическую осторожность въ то время, когда нужна энергія, настойчивость, порядокъ и быстрота? Нельзя соблюденію внѣшняго порядка методичности подчинять всѣ прочія условія успѣха атаки.

Тоже самое слѣдуетъ сказать и относительно прочихъ примѣровъ приводимыхъ авторомъ. Въ третьемъ примѣрѣ (занятіе деревни) передовыя войска, занявъ противоположную опушку селенія, могутъ прѣ-

становиться, преслѣдовать противника огнемъ, устраниваться, но резервы должны продвинуться впередъ, насѣдать на отступающаго и гнать его безостановочно.

Въ главѣ: «*Бой оборонительный*» встрѣчается такое замѣчаніе: «боевая же линія *никогда* не получаетъ одного общаго начальника». Ну, а если рота, двѣ роты занимаютъ самостоятельно какой нибудь одинъ мѣстный предметъ? Вообще истинная тактика не допускаетъ слишкомъ абсолютныхъ положеній.

На страницѣ 187-й мы находимъ совершенно справедливое разсужденіе: «Въ настоящее время огонь составляетъ главное и притомъ могущественное средство, съ помощью котораго обороняющійся можетъ возстановить равновѣсіе между силами наступающаго и своими; но для того, чтобы достигнуть этого, надо уметь пользоваться огнемъ. Въ отношеніи огнестрѣльнаго дѣйствія положеніе обороняющаго весьма выгодно: онъ расположенъ за закрытіями и нерѣдко такими надежными, что оказывается неуязвимымъ не только для ружейнаго, но даже и для артиллерійскаго огня, вслѣдствіе чего стрѣльба можетъ быть спокойна; неизвѣстность разстояній, такъ сильно уменьшающая дѣйствительность стрѣльбы наступающаго, для обороняющагося можетъ не существовать, такъ какъ онъ заблаговременно можетъ измѣрить разстоянія до различныхъ предметовъ, линією которыхъ непріятель будетъ наступать; наконецъ, дисциплина огня или подчиненіе его волѣ начальника при оборонѣ достигается гораздо легче, нежели при наступленіи, такъ какъ, находясь сравнительно въ болѣе безопасномъ положеніи, стрѣлки при оборонѣ будутъ спокойнѣе и потому скорѣе и точнѣе будутъ исполнять распоряженія начальства.

Далѣе, въ той же главѣ (стр. 188-я) говорится: «французы и турки, имѣя превосходное ручное огнестрѣльное оружіе и дѣйствуя въ большинствѣ случаевъ оборонительно, открывали огонь съ разстоянія 2,000 и даже 2,500 шаговъ... При такомъ образѣ дѣйствій французовъ и турокъ потери ихъ противниковъ въ самомъ началѣ сраженій обыкновенно оказывались весьма чувствительными...». Послѣ этихъ фактовъ и соображеній, казалось бы, авторъ статьи обратится къ подробному изученію столь важнаго боеваго средства въ рукахъ обороняющагося, какъ дальній огонь и очертитъ тѣ случаи, когда онъ можетъ быть съ успѣхомъ прилженъ, и тѣ средства, которыми можно регулировать правильное его веденіе. Такъ именно и отнеслись къ этому вопросу въ западно-европейскихъ арміяхъ, и въ Пруссіи были произведены въ этомъ смыслѣ обширные и поучительные опыты.

Авторъ же статьи забраковалъ подобную стрѣльбу, причемъ самое

«вѣское» возраженіе противъ этого огня онъ видитъ въ «быстрой и громадной тратѣ патроновъ». А ссылка защитниковъ дальняго огня на примѣръ турокъ, нисколько не затруднявшихся этимъ вопросомъ, малубѣдительно, по мѣнію автора, такъ какъ турки оставались обычно вечно въ теченіе продолжительнаго времени въ укрѣпленныхъ позиціяхъ, гдѣ имъ не трудно было запасаться патронами.

Привнаемся, мотивы автора намъ кажутся, въ свою очередь, крайне неубѣдительными; по характеру своему они напоминаютъ тѣ возраженія, которыя дѣлались, напримѣръ, противъ металлическихъ патроновъ потому что патроны эти «дорого стоятъ», или же противъ введенія скорострѣльнаго оружія, потому что «механизмъ его сложенъ», производя въ бою «большая, трата патроновъ» и т. п.

Намъ кажется, что разъ признана практическая годность какого либо боеваго средства, то и надо эксплуатировать его въ возможной степени. Всѣ выгоды огневаго боя, обыкновенно, бывають на сторонѣ обороняющагося, а потому огонь есть могущественнѣйшее его средство, которымъ онъ долженъ пользоваться во всѣхъ возможныхъ видахъ для уравненія своихъ силъ съ силами наступающаго.

Разъ, эта истина признана по отношенію къ дальнему огню, надобно позаботиться объ устраненіи неудобствъ, затрудняющихъ практическое примѣненіе. *Во-первыхъ*, что касается быстрой будто бы растраты патроновъ, то она можетъ быть не такъ велика, какъ предполагаетъ авторъ статьи, и онъ справедливо замѣтилъ, что дальній огонь легко держать въ рукахъ начальника, а, слѣдовательно, и регулировать трату патроновъ; *во-вторыхъ*, тщательныя упражненія въ мирное время въ подобной стрѣльбѣ выработаютъ привычку разумно руководить и пользоваться ею, а слѣдовательно не тратить по пустому много зарядовъ; *въ-третьихъ*, не только при оборонѣ, но и въ наступательныхъ операціяхъ (во избѣжаніе зависимости отъ тыла), солдаты нашъ въ послѣднюю кампанію имѣли, обыкновенно, при себѣ больше патроновъ чѣмъ полагается, а именно, до 115 (такъ было въ отрядѣ генерал-адъютанта Гурко). Въ будущихъ войнахъ будетъ, конечно, тоже саможелательно лишь, чтобы это было узаконено. Разумное опредѣленіе походной ноши солдата — есть одинъ изъ настоятельнѣйшихъ вопросовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что вмѣсто излишняго бѣлья, сапоговъ, штановъ и т. п. солдатъ будетъ носить большій запасъ шанцеваго инструмента; *въ-четвертыхъ*, надо озаботиться правильной организаціей подвоза по частямъ патроновъ; придется для этого прибѣгнуть частью къ выюгамъ. Во всѣхъ случаяхъ, жѣра эта *въ большей степени выполнима для обороняющагося, чѣмъ для наступающаго*, а потому (точно такъ же, какъ

и вслѣдствіе изложенныхъ выше соображеній) обороняющійся можетъ гораздо въ болѣе широкихъ предѣлахъ пользоваться ружейнымъ огнемъ, нежели наступающій; наконецъ, *въ пятыхъ*, если продолжительная пальба нравственно ослабляетъ наступающаго, до нѣкоторой степени какъ бы деморализируетъ его, уменьшаетъ его наступательный порывъ, то для обороняющагося это соображеніе не имѣетъ значенія, такъ какъ даже, въ случаѣ контръ-атаки, — попытки наступательнымъ ударомъ отразить атаку, — подобное предпріятіе будетъ ведено резервами, т. е. свѣжими войсками, не участвовавшими въ веденіи продолжительной пальбы.

Изъ разбора главы «о наступательномъ боѣ» читатель видѣлъ, что мы далеко не поклонники дальней ружейной пальбы во чтобы то ни стало. Напротивъ, для *атакующаго* мы ее совершенно почти отвергаемъ (и близкой-то пальбѣ для него мы не придаемъ особеннаго значенія); но *обороняющійся* найдетъ въ ней одно изъ могущественнѣйшихъ и вѣрнѣйшихъ средствъ для уравновѣшенія своихъ силъ съ силами наступающаго и для моральнаго разстройства послѣдняго. Нельзя отказываться отъ указаній дѣйствительнаго опыта; надо его тщательно изучить.

Намъ остается сдѣлать еще одно замѣчаніе относительно «*Отступленія изъ боя*». Отступленіе это, какъ говоритъ авторъ статьи, можетъ быть предпринято: или 1) ранѣ рѣшительной атаки противника, или 2) послѣ нея. Относительно втораго случая онъ замѣчаетъ, что при этомъ: «отступленіе можетъ быть предпринято не иначе, какъ послѣ *отбитой атаки*» (*), пользуясь временнымъ замѣшательствомъ, въ которомъ будетъ находиться непріятель». Прочтя это, невольно приходишь въ недоумѣніе. Одно изъ двухъ: или обороняющійся рѣшился не доводить дѣло до конца и тогда онъ отступить заблаговременно, или же онъ рѣшился встрѣтиться съ противникомъ грудь съ грудью, противопоставить штыкъ штыку, и тогда онъ только насильно, послѣ схватки, можетъ быть вынужденъ отступить; но рѣшимость его можетъ увѣнчаться и успѣхомъ: атака отбита, противникъ въ разстройствѣ, надо его иконать и праздновать побѣду... и вдругъ отступать. Зачѣмъ же?

А. П.

(* Подъ атакой, какъ извѣстно уже, авторъ статьи подразумеваетъ собственно лишь ударъ въ штыки.